

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Книги
Мюриель Барбери:

Лакомство

Элегантность ежика

Жизнь эльфов

Странная страна

Мюриель
Барбери

ЛАКОМСТВО

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Б 24

Muriel Barbery
UNE GOURMANDISE
Copyright © Editions GALLIMARD, Paris, 2000

Перевод с французского Нины Хотинской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© Н. О. Хотинская, перевод, 2006
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17327-9

С самого раннего детства для меня главными удовольствиями в жизни были еда и слова. Роман «Лакомство» вписывается в пространство между тремя мирами, тремя разновидностями наслаждения: мир детства и смесь печали и радости, которую я испытываю, вспоминая о тех давно утраченных временах; мир кулинарии, дегустаций и обжорства; мир слов и литературного языка, возвращающий к жизни события и образы прошлого, а также давно забытые удовольствия. Все эти три мира я свела в один, когда взялась нарисовать портрет стареющего кулинарного критика, заблудившегося в воспоминаниях детства и поисках утраченных вкусовых ощущений. В то же время мне не хотелось, чтобы мой роман был похож на идиллическую картинку сказочного детства и пиршеств, как это обычно случается, когда

МЮРИЕЛЬ БАРБЕРИ

критик превращается в старого неприятного человека, тяжелого и слепого по отношению к себе. Наконец, признаюсь: мне доставило огромное удовольствие писать от лица мужчины, который, не смущаясь, говорит о том, чего ему хочется и что ему неприятно. Он без малейшего стеснения, без стыда, раскаяния и оправданий рассказывает о своих тайных кулинарных фантазиях, причудливых и удивительных.

Мюриель Барбери

*Стефану,
без которого бы...*

Вкус

Улица Гренель, спальня

Когда я занимал место во главе стола, владыкой — вот кем я себя ощущал. Мы были королями, светилами в эти несколько часов пира, в которые решалось чье-то будущее и обозначался горизонт, трагически близкий или восхитительно далекий и лучезарный, — горизонт чьих-то надежд. Я входил в зал, как выходит консул на арену, ожидая приветствий, и давал знак к началу праздника. Кто в жизни не отведал дурмана власти, не может себе вообразить этот выплеск адреналина, что разливается по всему телу, и движения становятся гармоничными, и бесследно исчезает усталость, исчезает все, что не служит единственно вашему удовольствию, этот экстаз могущества без пределов, когда уже ни за

что не надо бороться — знай пользуйся тем, что завоевано, упиваясь бесконечным восторгом, который познаешь, внушая трепет.

Таковыми были мы и безраздельно царили за величайшими столами Франции, сытые превосходными яствами и собственной славой, с одним всегда неутоленным желанием, неизменно упоительным, как первый след для гончей, — единолично решать, насколько они превосходны.

Я величайший в мире гастрономический критик.

Я поднял это не самое почтенное искусство до ранга высокого. Мое имя у всех на слуху, от Парижа до Рио, от Москвы до Браззавиля, от Сайгона до Мельбурна и Акапулько. Я создавал и разрушал репутации, я был на всех изобильных пиршествах высшим судьей, многознающим и беспощадным, расточая мед или яд с моего пера во всех газетах, радио и телепередачах, со всевозможных трибун, куда меня постоянно приглашали вещать о том, что прежде было епархией лишь узкоспециализированных журналов да изредка еженедельных колонок хроники. В моей коллекции трофеев красуются ценнейшие эк-

земляры. Мне и только мне обязан своим величием, а затем и падением ресторан Партэ, моих рук дело — крушение ресторана Санжер и немеркнущая слава ресторана Марке. Навеки, да, на веки вечные я сделал их тем, что они есть.

Я заключил вечность в скорлупку моих слов — и вот завтра я умру. Я умираю, мне осталось сорок восемь часов, а может быть, я умираю уже шестьдесят восемь лет, но только сегодня снизошел до того, чтобы обратить на это внимание. Как бы то ни было, приговор Шабро, врача и близкого друга, прозвучал вчера: «Тебе осталось сорок восемь часов, старина». Какая ирония! Десятки лет обжираться, выпить реки вина, отведать все мыслимые спиртные напитки, не отказывать себе в жирном, сладком, остром, жареном, целую жизнь предаваться излишествам, со знанием дела организованным, продуманно взлелеянным, — и после всего этого самые верные мои слуги, госпожа Печень и ее соратник Желудок, чувствуют себя прекрасно, а подводит меня сердце. Я умираю от сердечной недостаточности. Горькая ирония! Я столько

МЮРИЕЛЬ БАРБЕРИ

раз корил тех, в чьей кухне, в чьем искусстве, на мой взгляд, недоставало сердца, не задумываясь о том, что это мне его не достает, сердца, предавшего меня столь внезапно, с плохо скрываемым презрением, — уж слишком быстро был заточен этот нож...

Я скоро умру, но это не важно. Со вчерашнего дня, после слов Шабро, только одна вещь имеет для меня значение. Я скоро умру — и я не могу вспомнить один вкус, запавший мне в сердце. Я знаю, что этот вкус — истина всей моей жизни в первой и последней инстанции, что ему принадлежит ключ от сердца, которое я не слушал с тех пор. Я знаю, что этот вкус из детства или отрочества, что это исконное и чудесное яство я отведал до выбора пути критика, когда еще не помышлял и не имел притязаний высказываться о своем удовольствии от еды. Этот забытый вкус, запрятанный в сокровенных глубинах моего «я», открывается мне на закате жизни как единственная истина, которая была в ней изречена — или осуществлена. Я ищу и никак не могу найти.

Рене

Улица Гренель, привратническая

Ну кто там еще?

Мало того, что я каждый божий день во-
жу грязь из-под ботинок богачей, мету
пыль из-под ног богачей, слушаю разгово-
ры про заботы богачей, кормлю их собачек
и кошечек, поливаю их цветочки, утираю
носы их деткам, получаю от них подароч-
ки к праздникам, и, кстати, только тогда
они не строят из себя богачей, нюхаю их
духи, открываю дверь их знакомым, раз-
ношу их почту, пухлые конверты с выпис-
ками из банковских счетов богачей, рента-
ми богачей и всякими там кредитами бога-
чей, насилую себя, чтобы улыбаться в ответ
на их улыбки, живу, наконец, в доме для
богачей, я, консьержка, никто и звать ни-
как, что-то там за стеклом, чего и не видят,

МЮРИЕЛЬ БАРБЕРИ

буркают «здрассте» себе под нос, чтоб отделаться, неловко ведь, что сидит это старое что-то там в своем темном закуте, без хрустальных люстр, без лаковых туфельек, без верблюжьих пальто, неловко и в то же время как маслом по сердцу, это ведь наглядное социальное расслоение, вроде как оправдание их, богачей, превосходства, оно ведь это подчеркивает их обеспеченность, оттеняет их изысканность, — так нет же, им мало, вдобавок ко всему этому, к тому, что я день за днем, час за часом, минуту за минутой, да что там, хуже — год за годом живу как чумная затворница, я еще должна вникать в горести богачей?

Если им надо знать, как здоровье мэ-э-этра, пусть звонят в его дверь.

Хозяин

Улица Гренель, спальня

Сколько себя помню, я всегда любил поесть. Я не могу в точности вспомнить мои первые гастрономические восторги, но, поскольку первой в моей жизни поварихой, чьей стряпне я воздавал должное, была моя бабушка, сомнений на этот счет почти не остается. В меню тех пиршеств входили мясо с подливкой, картошка с подливкой и хлеб, чтобы собирать с тарелки подливку. Я так и не знаю с тех пор, детство ли тому причиной или подобного рагу я действительно больше не едал, но никогда и ничего не смаковал я столь жадно, — оксюморон, я по таким специалист, — как те картофелины за бабушкиным столом, насквозь пропитанные соусом маленькие губки, дивные на вкус. Не оно ли это, то за-

бытое ощущение, что поднимается в моей груди? Не достаточно ли просто попросить Анну потомить несколько клубней в горшочке со старым добрым петухом в вине? Увы, я знаю — нет. Я знаю — то, что я ищу, ускользает от моего вдохновения, от памяти, от мысли. Чудесное жаркое, восхитительные дыплеты по-охотничьи, изумительные петухи в вине и умопомрачительные рагу, я помню вас, спутников моего плотоядного и щедро сдобренного соусом детства. Я помню вас, милые горшочки, окутанные мясными запахами, но не вы, не вы так нужны мне теперь.

Позже, хоть старая любовь не ржавела, вкусы мои обратились к иным областям кулинарии, и на это пристрастие к мясу под соусом наложился, с особым вкусом, который дает сознание своей эклектичности, властный зов утонченных вкусов. Нежнейшая ласка первого суси больше не тайна для моего нёба, и я благословляю тот день, когда мой язык впервые ощутил упоительную, почти эротичную бархатистость устрицы после ломтика хлеба с соленым маслом. Так подробно и виртуозно проанализировал я ее волшебный изыск, что сей божественный глоток стал для всех едва ли

не религиозным актом. Между двумя этими крайностями, между горячей изобильностью жаркого и кристальной строгостью раковины я познал всю гамму кулинарного искусства как эстет и как знаток, всегда с опережением на одно блюдо — но всегда с отставанием на одно сердце.

Я слышу, как перешептываются в коридоре Поль и Анна. Приоткрываю глаза. Мой взгляд встречает, по обыкновению, совершенный изгиб статуэтки Фаньоля, подаренной мне Анной на шестидесятилетие, — как давно, кажется, это было! Поль тихонько входит в комнату. Из всех моих племянников и племянниц его одного я люблю и ценю, его одного допускаю к себе в последние отмеренные мне часы и только с ним да с женой я поделился, когда еще мало-мальски мог говорить, своей душевной мукой.

«Какое-то блюдо? Десерт?» — спросила Анна с рыданием в голосе.

Мне невыносимо видеть ее такой. Я люблю мою жену, я всю жизнь любил окружать себя красивыми вещами. Это так. Хозяином я жил, хозяином и умру, ни о чем

не жалея и не сентиментальничая, я вовсе не стыжусь, что копил добро и присваивал души человеческие, как другие покупают дорогие картины. У произведений искусства ведь есть душа. Я твердо знаю: их нельзя свести просто к некой минеральной структуре, к составляющим их безжизненным элементам, и, наверное, поэтому никогда не испытывал ни малейшего стыда, считая прекраснейшим творением из всех Анну, которая на протяжении сорока лет оживляла своей точеной красотой и исполненной достоинства нежностью покои моего королевства.

Я не могу видеть ее слез. На пороге смерти я чувствую, что она чего-то ждет, что ей больно от неотвратимости конца, вырисовывающегося на горизонте ближайших часов, и страшно, что я кану в то же небытие отношений, что установилось между нами с самой свадьбы, — то же, но окончательное, без возврата, без надежды, без завтрашнего дня, когда все, быть может, изменится. Я знаю, что так она думает или так чувствует, но это не моя печаль. Нам с ней нечего друг другу сказать, ей остается смириться, потому что я так решил. Мне только хотелось бы, чтобы она поняла это, как

ЛАКОМСТВО

я понимаю, чтобы она утешилась, а я не чувствовал себя виноватым.

Ничто больше не имеет для меня значения. Ничто, кроме этого вкуса, который я ищу в лабиринтах моей памяти, а он, в обиде за измену, о которой я давно позабыл, не дается и все ускользает и ускользает от меня.

Лора

Улица Гренель, лестничная клетка

Я помню каникулы в Греции, когда мы были еще детьми, на Тиносе, кошмарном острове, голом и раскаленном. Я возненавидел его с первого взгляда, с первого шага по суше, едва расставшись с палубой корабля и ветрами Адриатики...

Большой серый с белым кот метнулся на террасу, а оттуда на невысокую стену, отделявшую наши владения от невидимого дома соседа. Не кот, а котище: по местным стандартам размеров он был внушительных. В округе бегало полно отощавших драных кошек с трясущимися головами, от голодного вида которых у меня разрывалось сердце. Но этот котяра, похоже, рано постиг законы выживания: он прошел испытание террасой, добрался до двери

в столовую, не убоаялся войти и без зазрения совести с хозяйским видом набросился на жареную курицу, царственно возлежавшую на блюде посреди стола. Когда мы застучали его за нашим обедом, он разве что чуть-чуть испугался, а может быть, притворился, чтобы смягчить наши сердца, и успел-таки ловко и сноровисто отгрызть крылышко, после чего пулей вылетел в балконную дверь с добычей в зубах, машинально взрыкивая, чем привел нас, детей, в безмерный восторг.

Его, разумеется, с нами не было. Он вернулся из Афин через несколько дней, ему рассказали этот случай — рассказала мама, не замечавшая в своем ослеплении его презрительной мины, его нелюбви. Он слушал вполуха, мыслями уже на новых пиршествах, далеко, на краю света — без нас. На меня он, однако, посмотрел, и в глубине его глаз мелькнуло разочарование, хотя, может быть, это была неприязнь или жестокость, скорее всего, и то, и другое, и третье, — посмотрел и сказал мне: «Вот как надо бороться за жизнь, этот кот — живой урок», и его слова прозвучали как отходная, слова, выбранные, чтобы ранить, чтобы причинить боль, пыточные слова

для маленькой запуганной девочки, сла-
бенькой, серенькой, ничего собой не пред-
ставляющей.

Он был воплощением грубой силы. Гру-
бая сила проявлялась в его движениях,
в собственнической манере брать, в удов-
летворенном смешке, в хищном взгляде.
Я никогда не видела, чтобы он расслаб-
лялся; все было поводом для напряжения.
С утра, с завтрака, в те редкие дни, когда
он жаловал нас своим присутствием, начи-
налась мука мученическая: в психодрама-
тической атмосфере, на повышенных то-
нах, с надрывом обсуждались судьбы Им-
перии: что будем есть на обед? Покупки
на рынке делались в состоянии истерии.
Мать безропотно все терпела, по своему
обыкновению, как всегда. А потом он уез-
жал — к другим ресторанам, к другим жен-
щинам, к другим берегам, где не было нас,
не было, я уверена, даже в воспоминаниях,
а до отъезда мы, я думаю, были для него
чем-то вроде мух, докучных мух, от кото-
рых отмахиваются, чтобы прогнать и за-
быть: насекомые — вот кто мы были такие.

Это случилось под вечер, в сумерках.
Он шел впереди, засунув руки в карманы,
между двумя рядами рассчитанных на ту-

ристов лавочек по единственной торговой улице Тиноса, шел царственным шагом, не оглядываясь на нас. Хоть провались под нами земля — ему было все равно, а как могли маленькие ножки забитых детей преодолеть пропасть, которая ширилась между нами? Мы еще не знали, что он проводит с нами последнее лето; на следующий год мы с облегчением и восторгом встретили известие о том, что уезжаем без него. Очень скоро нам пришлось притерпеться к другой беде: мама бродила как тень в местах наших увеселений, и это оказалось даже хуже, так что своим отсутствием он ухитрился еще сильнее мучить нас. Но в тот день он был с нами и шагал вверх по склону с обескураживающей скоростью. Я замешкалась у какой-то закуской под неоновой вывеской, держась за бок, в котором невыносимо кололо, и все еще судорожно переводила дух, когда вдруг с ужасом увидела, что он возвращается, а следом Жан, до синевы бледный, устремив на меня свои большие глаза, полные слез; я перестала дышать. Он прошествовал мимо меня, словно не заметив, вошел в забегаловку, поздоровался с хозяином, — мы тем временем нерешительно переминались с но-

ги на ногу на крыльце, — кивнул на что-то за стойкой, поднял руку с растопыренными пальцами, показывая: «три», махнул нам: «войдите» и уселся за столик в глубине зала.

Это были так называемые лукумады, крошечные и совершенно круглые сладкие пирожки, которые обжаривают в кипящем масле — быстро, чтобы они покрылись хрустящей корочкой, а внутри остались нежными, как пух, — потом обмазывают медом и подают очень горячими на маленькой тарелочке с вилочкой и стаканом воды. Ну вот, опять, вечно одно и то же. Я думаю, как он. Как он, раскладываю цепочку ощущений на составляющие, как он, наношу на них глазурь эпитетов, и размазываю их, и растягиваю на расстояние фразы, и эта словесная мелодия обращает трапезу в заклинание факира, заставляющее читателя поверить, что и он ел вместе с нами... Все-таки я его дочь...

Он попробовал пирожок, поморщился, отодвинул тарелку и уставился на нас. Жан справа от меня — не видя его, я это чувствовала, — пытался и никак не мог проглотить; я же медлила положить в рот кусочек, тянула, как могла, и, застыв как

статуя, тупо смотрела на него, а он внимательно смотрел на нас.

— Тебе нравится? — вдруг спросил он меня своим глуховатым голосом.

Паника. Замешательство. Рядом со мной тихонько сопел Жан. Я сделала над собой нечеловеческое усилие и слабо пискнула:

— Да.

— А почему? — продолжил он допрос еще суше, но я видела, что в глубине его глаз, впервые за много лет по-настоящему смотревших на меня, мелькнуло что-то новое, доселе незнакомое, искорка, нет, пылинка ожидания, надежды, это было непостижимо, пугало и парализовало, потому что я уже давно свыклась с мыслью, что от меня он ничего не ждал.

— Потому что вкусно? — ляпнула я, съезжившись.

И — проиграла. Сколько раз с тех пор прокручивала я в мыслях — и в образах — эту душераздирающую сцену, этот ключевой момент, когда что-то могло бы повернуться иначе и пустыня моего детства без отца могла расцвести новой чудесной любовью... Как в замедленной съемке, на скорбном полотне моих обманутых же-

МЮРИЕЛЬ БАРБЕРИ

ланий отсчитываются секунды одна за другой: вопрос — ответ, ожидание — и конец всему. Огонек в его глазах погас так же быстро, как вспыхнул. И вот уже, брезгливо поджав губы, он отворачивает голову, расплывается, а я навсегда возвращаюсь в застенки его равнодушия.

Но зачем же я стою здесь, на лестнице, с бьющимся сердцем, заново переживая эти горести, уже давно пережитые... Нет?.. Но они должны, должны были отступить после стольких лет необходимых мучений на кушетке психоаналитика, когда я, прилежно высказывая наболевшее, день за днем, пядь за пядью отвоевывала право быть не ненавистью и не трепетом, а только самой собой. Лора. Его дочь... Нет. Я не пойду туда. Я уже оплакала отца, которого у меня не было.

Барбери М.

Б 24 Лакомство : роман / Мюриель Барбери ; пер. с фр. Н. Хотинской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 192 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-17327-9

Знаменитый дегустатор и кулинарный критик на пороге смерти пытается вспомнить тот дивный вкус, который ему хочется ощутить в последний раз. Он перебирает в памяти свои вкусовые ощущения начиная с раннего детства: от самых простых до самых экзотичных, и каждый его внутренний монолог — это подлинный праздник вкуса, исполненный поэзии. В конце романа ему все же удается вспомнить то забытое лакомство, и это оказывается полной неожиданностью для читателя.

Французская писательница Мюриель Барбери завоевала признание сразу после выхода в свет ее первого романа — «Лакомство» (2000). Второй роман, «Элегантность ежика» (2006), сделал ее известной не только на родине, но и во многих странах мира. Крупнейшая парижская газета «Монд» присвоила Барбери титул королевы бестселлера.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

МЮРИЕЛЬ БАРБЕРИ
ЛАКОМСТВО

Редактор Алла Степанова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректор Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.10.2019. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 9,36.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ABA-25847-01-R